

К 60-ЛЕТИЮ БИОЛОГИЧЕСКОГО КРУЖКА МОИП

В 2015 г. исполнилось 60 лет биологическому кружку, которым в течение многих лет руководила Анна Петровна Разоренова. Время идет, первым «кружковцам» уже сильно перевалило за 60 лет, некоторые ушли в мир иной, но память о кружке и «разореновских детях» сохранилась. Мне удалось разыскать статью Аркадия Тишкова – выпускника биофака МГУ, и одного из первых «кружковцев». Он ее написал к 55-летию кружка, но, думаю, актуальность сохранилась. Все, кто прошел через кружок, стали биологами, многие – профессорами и докторами наук, и самое главное – остались верными делу охраны природы. Они сохранили дружбу, постоянно переписываются, несмотря на то, что жизнь многих разбросала по всему свету. С юбилеем вас, дорогие «кружковцы», здоровья и благополучия!

С искренним уважением, ваш Анатолий Садчиков, профессор МГУ, вице-президент МОИП

А.А. ТИШКОВ,
профессор д.г.н., академик РАЕН,
«Почетный работник охраны природы»
<http://bio.1september.ru/article.php?ID=200501107>

О биологическом кружке, Анне Петровне Разореновой и «разореновских детях»

К 50-летию биологического кружка при МОИП

Пятьдесят лет тому назад на карте Москвы загорелась яркая звездочка для тех, кто любил природу, не мог шагать строем и клеймить язвы капитализма. В 1955 г. замечательный зоолог и педагог Анна Петровна Разоренова создала биологический кружок при Московском обществе испытателей природы (МОИП). Адрес у кружка был простой: ул. Герцена, 6. Это адрес Зоологического музея МГУ.

К этому времени уже 30 лет существовал Кружок юных биологов при зоопарке (КЮБЗ), набирал силу созданный известным просветителем и педагогом Петром Петровичем Смолиным в конце 1949 г. кружок при Всесоюзном обществе охраны природы (ВООП), в Сокольниках продолжала свою деятельность Станция юных натуралистов. И все это – в стране, еще не залечившей раны последней войны, все это – детям.

А начиналось все в московской школе № 172 на улице Чехова (ныне Малая Дмитровка), куда Анна Петровна пришла подменить на время учителя биологии. Ее рассказы о природе были увлекательны, и тем, кто проявил интерес к биологии, она предложила ходить в кружок. Так осенью 1955 г. по вечерам в ученой среде МОИПовских семинаров стали мелькать мальчики и девочки с умными книжками и тетрадками в руках. Они собирались вместе не только для того, чтобы сидеть часами в пыльных аудиториях или ходить по душным залам музея – их стихией была природа. Позже в кружок влился биологический кружок московской школы №161, а в 1970 г. – один из кружков Городского дворца пионеров.

*Анна Петровна Разоренова (1903–1988)
– создатель и бессменный
руководитель кружка*

Уже в 1956–1957 гг. излюбленным местом для полевой практики юных биологов стали леса бывшего

Верхне-Клязьминского заповедника. Он был закрыт в 1951 г. сталинским указом вместе с десятками других заповедников, что нанесло непоправимый ущерб охране природы страны. Анна Петровна хорошо знала эти места в истоках Клязьмы, вместе с ребятами исходила вдоль и поперек уникальный островок настоящей подмосковной тайги. Здесь, всего в 50 км от столицы, на территории Верхне-Клязьминского лесничества можно было услышать песню глухаря, увидеть тетеревов на полянах.

К этому времени в кружке уже постоянно занимался десяток ребят, показавших себя в летние каникулы в лесничестве и в Приокско-Тerrasном заповеднике. Среди них были Гера Новиков, Алеша Гиляров, Боря Гончаров – ныне известные биологи, доктора наук.

Старейшее научное общество страны, МОИП, по-отечески отнеслось к обосновавшемуся у него под крылом биологическому кружку и помогло с арендой дома в деревне Гигирево Солнечногорского района Московской области, где можно было бы останавливаться для проведения наблюдений в природе. Дом был большой, с сенями и крытым «третьим двором», с широкой лавкой вдоль стены, большим столом посреди светелки, вмещавшим одновременно 12–15 человек. Его хозяйка, Прасковья Андреевна, жила в другой половине дома, постоянно ворчала, но все-таки каждую субботу топила печь и ждала беспокойных соседей. Неподалеку от дома был старый «барский сад» с остатками липовой аллеи и плодового сада, зарослями сирени, высохшим прудом и с разными тайнами, столь необходимыми мальчишкам 13–14 лет.

Кружок стал расти, появились традиции ближних и дальних экспедиционных поездок. Летом часть ребят работали в Приокско-Тerrasном заповеднике и жили в деревне Данки или в деревне Республика на Оке, а другая часть – в деревне Гигирево под Солнечногорском.

Одни из первых членов кружка при Московском Обществе Испытателей Природы – Борис Гончаров и Алексей Троицкий на 25-летию кружка в Зоомузее МГУ (1970)

О жизни Анны Петровны известно очень мало. Ее судьба – уникальный пример, с одной стороны, преданности делу воспитания молодого поколения биологов-натуралистов, а с другой – постоянной борьбы с советской рутинной, с невозможностью до конца реализовать себя как педагог и научный сотрудник одновременно. Эта разноплановость интересов не давала покоя Анне Петровне всю жизнь. Она участвовала во многих биологических экспедициях 1930–1940-х гг. и в создании новых заповедников. Вся ее жизнь так или иначе была связана с Зоологическим музеем МГУ. Специалисты в области изучения грызунов знают ее работы по систематике полевок (ею даже описан новый их подвид). Начало ее самостоятельной трудовой деятельности в 1925 г. было связано с работой с детьми. Судьба распорядилась так, что и последняя ее работа была связана с детьми.

А.П. Разоренова родилась в 1903 г. под Москвой в семье, имеющей отношение к духовенству, что по известным причинам в период после Октябрьской революции лучше было скрывать. Сама она в графе «социальное положение» в листке по учету кадров сначала указывала «из крестьян», позже – «из служащих».

А.П. получила, по-видимому, неплохое домашнее и школьное среднее образование, позволившее ей до поступления в университет с 1925 по 1928 г. работать педагогом-биологом в известной тогда школе рабочих подростков им. Л.Н. Толстого Московского отдела народного образования. Она читала и писала на трех европейских языках, прекрасно знала русскую литературу и историю.

В 1927 г. Анна Петровна поступила в МГУ и закончила в 1932 г. биологический факультет* по специальности «Зоология позвоночных» и с прикладной специализацией «Пушное дело». В период учебы она работала учителем биологии в школе № 3 Краснопресненского района Москвы и на Научно-исследовательской промысловой станции Главлеспрома, а окончив МГУ, на год распределилась на работу в Уссурийский пединститут, откуда вернулась в Москву уже в 1933 г. Здесь ей пригодились знания пушного дела: сначала она работала научным сотрудником отдела пушнины Народного комиссариата внешней торговли, а затем – ассистентом кафедры техники охотничьего промысла Всесоюзного заочного института пушнины в Балашихе под Москвой.

В эти же годы Анна Петровна вернулась к педагогической работе и преподавала в 1934–1936 гг. биологию в образцовой школе №1 Кировского отдела народного образования в Москве. В конце 1930-х гг. она работала старшим научным сотрудником Зоологического музея МГУ. С началом Великой Отечественной войны два года состояла в команде Московской противовоздушной обороны. Затем она работала в Научно-исследовательском институте звероводства, а с 1950 г. преподавала в техникуме Министерства заготовок СССР на ст. Сходня Московской области.

В начале 1950-х гг. после болезни Анна Петровна вышла на пенсию по инвалидности. Ее спасала любовь к природе и продолжавшаяся все годы преподавательская деятельность. В 1951 г. она работала в Клязьминском заповеднике (г. Ковров, Владимирская обл.) вплоть до его закрытия в конце года. В эти же годы она вела занятия с детьми на Болшевской биологической станции. Окрестности станции она знала прекрасно, что называется «каждый кустик», «каждое деревце», так что у нас, кружковцев, в 1960-х гг. не возникало вопроса, куда поехать на биологическую экскурсию весной или осенью.

Анна Петровна не оставила развернутых воспоминаний. У нее не было своей семьи. Брат погиб на фронте, сестра – Марья Петровна – работала художником в Московском театре кукол. В краткой биографии она писала: «С 1928 по 1951 г. (включая и годы войны) работала в Зоол[огическом] музее МГУ, давала ...консультации отдельным лицам, учреждениям, делала доклады, проводила кружковские занятия. Работала с коллекциями...».

В 1955 г. Анна Петровна создала биологический кружок при МОИП. Именно здесь раскрылся ее талант педагога и ученого. Участники кружка страстно любили природу, читали умные книги по биологии, могли часами наблюдать за гнездами птиц или рассматривать цветки злаков под биноклем. Они ходили в дальние маршруты и ездили в серьезные экспедиции, немного недолюбливали туристов за праздность пребывания на природе и оставленный в лесу мусор, искренне дружили с такими же ребятами из Кружка Юных Биологов Зоопарка (КЮБЗа) и из кружка при Дарвиновском музее (ВООПа). Дружба была настоящая мальчишеская. Часто к олимпиадам мы готовились вместе – у Петра Петровича Смолина в Дарвиновском музее, у профессора Александра Петровича Кузякина в Педагогическом институте, с КЮБЗом – в Зоомузее и в зоопарке.

Более 30 лет, вплоть до самой смерти в 1988 г., Анна Петровна руководила кружком при МОИП. Кружковцы поступали в основном на биологический факультет МГУ. Становясь известными биологами, они не порывали связи с кружком – проводили занятия, читали лекции, водили экскурсии и организовывали поездки для детей, а то и брали кружковцев в свои дальние экспедиции. Университетская профессура за глаза называла кружковцев «разореновскими детьми».

Более 350 выпускников кружка считают себя «разореновскими детьми». Есть среди них члены-корреспонденты Российской Академии наук, профессора, доктора и кандидаты наук, авторы известных книг о природе нашей страны. Судьба разбросала их не только по просторам нашей страны, но и всего мира – к 100-летию Анны Петровны письма шли из США, Австралии, Германии и Израиля.

К сожалению, детям и внукам кружковцев пока не удается встретить на жизненном пути такого человека, как Анна Петровна, который бы вовремя нашел нужные слова, способные повлиять на судьбу, помочь определиться в выборе профессии. В нашей жизни такой человек был... Вернее – есть.

Аня Готфрид и А.П. Разоренова на заседании в честь 25-летия кружка в Зоомузее МГУ (1970)

В год, когда я появился в кружке, уже учились в МГУ первые кружковцы – Боря Гончаров, Алеша Гиляров, Гера Новиков – и шли разговоры о поступлении на биофак МГУ Алеши Троицкого, Саши Степанова, Маши Ланге, Саши Сагайдачного. Кого-то проводили в армию, кто-то уехал работать в заповедник. В Москве появились первые «биологические» школы, и туда в старшие классы сразу хлынули кружковцы.

Чем мы занимались в кружке в те годы? Прежде всего обязательные четверговые занятия в Зоомузее МГУ. Занятия вела Анна Петровна, а лекционная часть была за старшими (если их не было, что-то рассказывала и показывала Анна Петровна или нас вели на заседания секций МОИПа).

Азы полевой научной работы мы получали летом либо на «базе» в деревне Гигирево, либо на южной окраине Приокско-Террасного заповедника, в деревне Данки, или в деревне Республика на Оке, где для полевой практики своих маленьких коллег каждое лето МОИП снимало часть дома с террасой и куда строго по выбору самой Анны Петровны отбиралось на 2–3 смены по несколько человек. Помню старые потемневшие от времени потолок и перегородки в доме в деревне Гиреево; книжный шкаф с изданиями, среди которых мелькали и старые книги (атлас растений Монтевердо, определители растений и животных, издания Московского общества испытателей природы и др.); сени, где под руководством Анны Петровны мы упражнялись в стрельбе из пневматического ружья.

И наконец, по традиции, старшие кружковцы (тут уже не важно – МОИПовцы, КЮБЗисты или ВООПовцы) брали с собой в экспедиции, в заповедники, на стационары своих младших подшефных.

Но самым-самым главным для нас в кружке была, конечно, Анна Петровна Разоренова!

Владимир Матвеев (1964)

Она не была великим педагогом. Не была похожа ни на Петра Петровича Смолина («ПэПэЭСа» – стоявшего у истоков юннатского движения еще в 1920-е гг., руководителя кружка ВООП), ни на П.А. Мантейфеля («дядю Петю» – руководителя первых лет КЮБЗа), ни на других менее известных, но, по-видимому, тоже любимых своими воспитанниками руководителей детских кружков. К нам на занятия все время ходили молодые педагоги, которые ездили с нами и на выезды. Пытались, наверное, понять, чем она берет ребят, почему они у нее не разбегаются, сидят с открытыми ртами на скучных занятиях по генетике и гистологии, все время на олимпиадах побеждают, в экспедициях оказываются надежными, в университет почти поголовно поступают?

Так в чем же феномен кружка МОИП и Анны Петровны? Мне кажется, что в нашем кружке было что-то от бойскаутского движения. Своего рода «глоток свободы» на фоне заорганизованности прочей детской жизни 1950–1970-х гг. И еще – палатки, бивуаки, костры, ориентирование на местности, хорошее знание живой природы. Это развивало, быстро окунало мальчиков и девочек в атмосферу братства, соревнования, взаимопомощи.

Педагогически никак не объяснимо, но она очень многие бытовые заботы полностью принимала на себя. Устройство быта во всех домах, где мы останавливались на ночлег: уборка, приготовление пищи, забота об удобном ночлеге, распорядок дня – часто все это было на ней. А у нас возникало чувство эдакой свободы. Наверное поэтому так по-доброму и счастливо проходило наше детство в кружке. А свобода была поистине «звонящая» – с «осознанной необходимостью» маршрутов в Гигирево для зимнего учета тетеревиных птиц, изнуряющей проверкой дуплянок, ночными переходами от Данков к Республике в Приокско-Террасном заповеднике, многочасовых сидений у бобровых плотин, а то и занудных вскрытий пойманных в давилки полевок с изучением их внутренностей.

Но на самом деле в полуигре и ненавязчиво все подключались к работе и обучению «бытовой науке». Вода – наперебой: «Я! Я! Нет, я!». Дрова – «Валера рубит дрова правильно, а вот Андрюша нет...». А еще – приготовление пищи из малого ассортимента продуктов (про это в кружке ходили анекдоты), расставить стол и прочее, починить стул... Все делалось быстро и без понуканий. Мы не росли барчуками, неумейками. Как-то само собой приходило умение и бытовые навыки.

Уже при выездах без Анны Петровны в ближайшее Подмосковье или дальние самостоятельные экспедиции нам самим приходилось организовывать жизнь, готовить еду, убираться, устраивать быт. И вот тогда-то мы и вспоминали ненавязчивые уроки Анны Петровны. У меня, например, до сих пор сохранилось чувство ответственности и желание взять на себя хозяйственные нужды на выезде, в походе, в экспедиции. А связано это исключительно с пониманием необходимости обустройства жизни как элемента свободы.

Обучение и попытка привить любовь к получению знаний включали много приемов, в частности Анна Петровна старалась привлечь к проведению занятий старших кружковцев, которые становились для нас «коллективной Анной Петровной». Сама она уже не бралась за серьезные темы занятий, переключившись на самых младших, но всегда во время лекций была рядом, записывала, обращала наше внимание на какие-то тонкости изучения материала. Была в ее поведении некоторая скрытая гордость за воспитанников, которые сами уже занимаются воспитанием младших. Помню, как я это почувствовал, когда еще школьником работал в зооуголке в пионерлагере, а потом, будучи студентом, вел кружок в Городском дворце пионеров.

И еще в ее педагогическом арсенале было поддержание духа соревнования. В воспитании тяги к знаниям здорово помогала Биологическая олимпиада. За два месяца до ее первого тура, сразу после зимних каникул, в кружке начинал витать дух соревнования. Анна Петровна старалась раззадорить нас, расписывая в красках будущую схватку. Ведь на олимпиаде будут тушки животных, а не чучела. Как вы

Валерий Орлов (1964)

Аркадий Тишков (1964)

Владимир Деулин (1964)

их распознаете? И мы ехали в МОПИ на кафедру А.Н. Кузякина и до ночи сидели с ВООПовцами, дыша нафталином. Помогало.

На Московскую городскую биологическую олимпиаду, на которой наши «старшие» – уже студенты – становились по другую сторону баррикады, Анна Петровна шла как на праздник и вела младших. Вокруг нее создавалось что-то вроде «кружковского штаба», куда после каждого удачного и не очень удачного захода в комнату с экзаменаторами мы бежали и сообщали оценку. В кружке мы не становились героями после побед на олимпиадах – требовалось что-то большее для того, чтобы завоевать уважение друзей. И это большее старалась ненавязчиво культивировать в нас Анна Петровна.

Она высоко поднимала «планку» нашего вхождения в жизнь. Если это поход, то со старшими и на целый день, да еще по бездорожью. Помню, как целая группа во главе с моим старшим другом Сашей Быковым потерялась и заночевала в лесу. Как вела себя Анна Петровна? Очень сдержанно. Вот и «боевое крещение» в 12–13 лет.

Не боялась Анна Петровна оставлять нас с нашими вопросами и материалами один на один с крупными учеными – кандидатами и докторами наук, профессорами и академиками. У нас в 13–14 лет уже был опыт консультаций с ботаниками П.А. Смирновым, М.И. Нейштадтом, Г.И. Дохман, М.Н. Караваем, В.В. Петровым, В.Н. Тихомировым, зоологами К.Н. Благосклоновым, А.П. Кузякиным, К.А. Воробьевым, Д.В. Панфиловым, Ю.И. Черновым и др.

Мы – «разореновские дети» – присутствовали на разных «взрослых» заседаниях и семинарах, даже на защитах и дискуссиях в Большой Зоологической аудитории. Не тушевались перед знаменитостями. Однажды даже участвовали в телевизионной передаче в прямом эфире, где академики представляли «юных исследователей»: историк, академик Рыбаков, привел юных археологов, а мы пришли в студию с академиком Сукачевым.

Рекомендация Анны Петровны кого-либо для участия в экспедиции означала, что рекомендуемый не подведет. Когда нам было по 16 лет, накануне отъезда экспедиции в междуречье Куры и Аракса она напутствовала: «Вот вам «открытый лист» – все, кого вы встретите на своем пути, должны вашей экспедиции оказывать содействие. Доедите до Баку. Там пересадка на Барду. Сойдете в Кюрдамире, а там спросите. Всё». Полное доверие. И четверо десятиклассников с ружьями отправляются через всю страну в далекие края для пополнения музейной коллекции. А потом еще и отчитываются перед известными зоологами: что видели, что добыли, тушки каких птиц сделали и пр.

Все это, в совокупности со «взрослыми книгами», которые уже на первых занятиях Анна Петровна рекомендовала доставать, читать, а что непонятно – спрашивать, было тем ее педагогическим ноу-хау, которое способствовало нашему становлению как исследователей, как людей с нормальными житейскими установками, не кичливыми, но и не робкими в новом коллективе.

Наш путь в науку был предрешен. Уж больно захватывающая эта сфера – познание нового, уж больно заразная эта болезнь – «экспедиционная вольница». Вот мы и «заболели» этим на всю жизнь.

Для многих из нас кружок был еще и отдушиной гуманитарной. Если говорить о жизненных приоритетах тех лет, то я бы на первые места поставил дружбу, кружок, биологию, а еще песни, книги и журналы – научные и художественные. Наиболее интересные из них ходили по рукам и зачитывались до дыр. Доступное – покупалось, недоступное – переписывалось от руки или перепечатывалось.

*Обложка рукописного журнала
(рис. Владимира Шишкина)
литературными произведениями
кружковцев. Всего вышло 3 номера по
2 экземпляра каждый)*

До сих пор у меня хранятся тетрадки с переписанными от руки стихами Бальмонта, Пастернака, Бродского, распечатки Северянина, Гумилева, Мандельштама, Тарковского, Стругацких, Галича. Уже начинал «ходить по рукам» Солженицын. У меня дома из-за этого в 1964–1966 гг. были стычки с мамой: она боялась за меня.

Анна Петровна заботилась о наших гуманитарных увлечениях по-своему – нам рекомендовалось читать заметки писателей-натуралистов. Среди них, несомненно, выделялись книги Александра Николаевича Формозова «Спутник следопыта», «Шесть дней в лесу» и др. Мы его встречали достаточно часто в МОИПе и на биофаке МГУ на разных заседаниях, семинарах, конференциях. Доброе отношение к нашему кружку его и его жены, В.И. Осмоловской помогало кружку держаться на плаву, способствовало вниманию со стороны МОИП.

Иногда Анна Петровна нам читала вслух на базе какие-то дореволюционные книжечки, в которых очень правильные дети очень все правильно подмечали в жизни природы. Вспоминается, как она декламировала стихи малознакомых нам Надсона, Брюсова. О ее литературных пристрастиях мне судить трудно – не те времена были для этого, если даже за стихи Есенина и Пастернака в 1950-е гг. исключали из школы. Но то, что все наши художественные интересы в кружке поддерживались, – это, несомненно.

Конечно, низкий поклон старшим кружковцам. Мы тянулись за ними, каждое вскользь упомянутое имя литератора тут же бралось на заметку, и начинались хождения по библиотекам и букинистическим магазинам. Имена А.Межирова и Д.Самойлова, Л.Мартынова и А.Вознесенского, Ю.Левитанского и многих других поэтов были впервые услышаны мной от старших кружковцев. От них же – интерес к «Новому миру» и «Иностранке», привычка к разборчивому чтению, собиранию книг. И все первые студенческие и бардовские песни – тоже от них.

А были, например, в 1963–1965 гг., такие песни. Для особых случаев – «Бригантина» Когана и Кульчицкого, «Глобус» («Я не знаю, где встретиться...»), КЮБЗовская – «Огонь свечи горит неровен...», «Гимн охотоведов» («Я родился где-то под забором...»); несколько песен на стихи С.Есенина. Очень любили в те годы песни М.Анчарова («Не шуми, океан, не пугай...» на стихи А.Грина, «Быстро-быстро донельзя, дни пройдут как один» на стихи В.Инбер и др. Анна Петровна научила нас старой студенческой песне:

«Ой, как весь честной народ,
Да на студентов-господ,
На студентов-господ удивляется...»

Были в нашем репертуаре и дворовые, и блатные песни («В нашу гавань заходили корабли», «Есть в Батавии маленький дом...», «Парень в кепке и зуб золотой...», «Я с детства был испорченный ребенок...», «Как в Ростове-на-Дону...» и др.), песни А.Якушевой («Ты мое дыхание...», «Вечер бродит...», «В речке каменной ...» и др.), Ю.Визбора («Шхельда», «Охотный ряд», «Синий перекресток» и др.), Б.Окуджавы («За что вы Ваньку-то Морозова...», «А мы швейцару – отворите двери...», «Не бродяги, не пропойцы...» и др.). В 1965–1966 гг. (как только старшие кружковцы стали ходить в рейсы на академических судах) начали появляться в нашем репертуаре песни А.Городницкого («Снег», «Перекааты», «Кожаные куртки» и др.). Еще были песни Н.Матвеевой, Ф.Солянова, Ю.Кима, А.Галича, Ю.Кукина, Е.Клячкина. В 1966–1967 гг. – несколько песен В.Высоцкого («На нейтральной полосе цветы...», «Тау-Кита», но в основном из фильма «Вертикаль»).

Помню несколько вечеров в Гигирево, когда старшие читали стихи. Многие заболели поэзией. Не буду оценивать, какими мы стали биологами, наверное, хорошими (спасибо Анне Петровне, родителям, старшим и родному биофаку!), а вот поэтами мои друзья стали замечательными. Было написано много песен (особенно моим другом, сотрудником биологического факультета МГУ В.Деулиным), которые поются на наших встречах и сейчас, спустя 40 лет.

Вполне естественно, что все наши поэтические и песенные увлечения привели к самиздатовскому журналу. Назвали мы его «ОНИМОС», т.е. Сомино наоборот – по имени любимого озера детства, где столько было спето, сказано друг другу добрых слов, где первые охотничьи трофеи были символом взросления, а первые неуклюжие поэтические строки – символом искренности.

По какой-то необъяснимой педагогической задумке Анны Петровны каждый из нас – кружковцев – рано или поздно, но должен был получить «боевое крещение». Кого-то оно настигало в первые дни на выезде в лес или на базе в Гигирево, других обходило вплоть до университета. Помню, как Саша Быков по совету Анны Петровны взял младших с собой в лес на маршрут и заблудился. Пришли они только на следующий день – все повзрослевшие, научившиеся сами принимать решения, хлебнувшие сполна и холода, и голода, но какие-то разухабистые. Хоть сейчас в бой!

Свое первое боевое крещение я получил в зимние каникулы 1963 г. на базе, где, как и все, ставил давилки, учитывал птиц на маршрутах, тропил куниц и зайцев. В один из дней старшие кружковцы отобрали нескольких «молодых» для лыжного похода в «Сотый квартал» бывшего Верхне-Клязьминского заповедника. Я в этот год занимался в лыжной секции и считал себя заядлым лыжником, но лесная снежная целина давалась ой как нелегко. Главное было – терпеть и успевать видеть живой зимний лес, записывать каждый след, каждую встречу с птицей или зверем.

Особым объектом и целью дальнего маршрута были глухари. Темнеет в январе быстро. К сумеркам только дошли до «Сотого», а там и назад. Обратный путь несколько часов шли в темноте на ощупь – фонарей не было, старый след занесло на открытых местах снегом. Но было здорово: орали песни, говорили громко. Старшие понимали ситуацию и по мере возможностей помогали. Анна Петровна встретила нас очень сдержанно. Поворчала на Алешу Троицкого (он был за старшего) и стала нас кормить оладьями.

Летом 1964 г. у нас уже была полноценная научная работа в Приокско-Террасном заповеднике у Геннадия Николаевича Лихачева по учету гнезд в дуплянках и кольцеванию птиц. Параллельно я занимался изучением флоры и растительности южных кварталов заповедника, бегал в Лужки за консультациями к Пал Санычу Смирнову – великому знатоку местной флоры, особенно злаков.

Чему мы научились в тот летний сезон? Во-первых, различать птиц по голосам и по внешнему виду (родители разорились на бинокли). Во-вторых, искать гнезда в лесах, на лугах, в пойме. В-третьих, рано вставать и ежедневно ходить на работу. Ну и каждый что-то новое узнал в своей области интересов. Я, например, собрал гербарий и уже с помощью определителя ориентировался в растениях, но больше – запоминал после экскурсий с ботаниками.

Традицией в кружке были собственные экспедиции в заповедники. В 1960 г. МОИП работал в Окском, в 1961 г. – в Алтайском, в 1962 г. – в Репетеке (Каракумы). Экспедиция в Центрально-Черноземный и Воронежский заповедники летом 1965 г. перевернула мою жизнь и соединила ее с Институтом географии РАН, где я сейчас и работаю.

После первых отчетов и выступлений на конференции 1965 г. к 10-летию кружка мы почувствовали себя великими учеными. Анна Петровна умела хвалить, да еще в нужном месте. Так что следующая экспедиция воспринималась как заслуженный подарок. У меня она была в Якутию, в алмазный поселок Айхал. Поселок был еще наполовину в палатках, несмотря на 50-градусные зимние морозы. А зимой 1966 г. мы вчетвером – я, В.Орлов, В.Деулин и В.Матвеев – получили задание от Зоомузея МГУ – на сбор тушек птиц для коллекции из Куру-Аракской низменности. Было оформлено соответствующее письмо от МОИПа – «открытый лист», намечен маршрут. Родители пороптали, но отпустили.

Спустя 40 лет можно уже откровенно говорить, что в этой самостоятельной экспедиции было многое «на грани»: другой народ, дикие места, постоянная стрельба, опасные переправы через зимнюю Куру на каких-то корытах. Но... из поездки мы привезли кучу неплохо снятых и законсервированных шкурок птиц, живую султанскую курочку и нутрию, которую я вез в спальном мешке, чтобы она не замерзла. На обратном пути мы ели только хлеб и заучивали азербайджанские и армянские слова, которым нас обучали соседи по вагону.

Что из нас вышло? Кем стали кружковцы? У меня за стеклом книжного шкафа много лет стоит наша мальчишеская фотография времен той далекой экспедиции в Азербайджан. И такое чувство, что каждый смотрит с нее в свое будущее.

*В экспедиции по изучению зимовок птиц в Куро-Аракской низменности.
В. Орлов, В. Деулин, А. Тишков (1966)*

Я искренне горжусь своими друзьями-МОИПовцами. Несмотря на все сложности жизни мы по-прежнему вместе, хотя некоторые и очень далеко. Первые кружковцы давно уже стали лидерами отечественной биологии, ведущими специалистами московских академических институтов и МГУ. Со многими я поддерживаю тесные связи – и научные, и дружеские. Безотказно действует «пароль» нашего тайного общества – «МОИП». Среди тех, кто, пришел в кружок в начале 1960-х гг., среди кружковцев моего поколения, практически все также стали биологами.

Саша Быков окончил кафедру зоологии позвоночных биофака, работает в Институте лесоведения РАН. Все время в экспедициях. Защитился, издал несколько книг. Стал одним из известных коллекционеров, собирателем и знатоком народной глиняной игрушки, русской гравюры и много другого.

Петя Меланхолин также окончил биологический факультет МГУ, работает геоботаником. Много лет занимался радиобиологией. Кандидат наук, опубликовал несколько монографий. Работает он, как и Саша, в Институте лесоведения РАН. Много ездит в экспедиции.

Алеша Кочергин закончил Ветеринарную академию. Выступал в соревнованиях на бегах и даже достиг некоторых спортивных высот. Потом стал работать врачом ипподрома. Много ездил по миру, в качестве ветврача Московского ипподрома.

Никита Кучерук после МГУ связал свою жизнь с Институтом океанологии РАН, участвовал в двух десятках научных рейсов по всем морям-океанам, в том числе в кругосветных. Один из крупнейших в России специалистов по морскому бентосу.

Валера Орлов после окончания института распределился в Центральную лабораторию охраны природы, где прошел все ступеньки карьеры – от младшего научного сотрудника до и.о. директора ВНИИ охраны природы. Защитил диссертацию. Много сделал для подготовки и издания Красной Книги СССР, а потом и России. Сейчас он один из самых компетентных специалистов страны по сохранению биоразнообразия.

Володя Деулин, еще будучи студентом и аспирантом биологического факультета МГУ, провел уникальные исследования поведения видов-двойников полевок. В 1970-х гг. организовывал исследования на биостанции Института проблем экологии и эволюции РАН в Черноголовке. Потом занимался изучением поведения дельфинов на Черном море. Один из авторитетнейших специалистов в области поведения животных. Сейчас занят новым проектом – Центром передержки и реабилитации животных в Чашниково под Москвой, открытие которого произошло в 2002 г.

Андрей Филимонов после Биофака распределился во ВНИИ охраны природы. Долгие годы занимался экологией и биологией волка, став, несомненно, одним из ведущих специалистов по волку в СССР. Соавтор монографии, автор крупных разделов в энциклопедии по охоте. Работает также в Центре передержки и реабилитации животных. Володя Матвеев еще студентом начал исследования планктона озер Лапландии. Работал в Институте проблем экологии и эволюции РАН. Один из крупных отечественных ученых-гидробиологов. Сейчас заведует лабораторией в одном из городов на севере Австралии.

Аня Готфрид (Козленко) после Биофака работала зоологом в Жигулевском заповеднике. Потом – в Центральной лаборатории Главохоты и во ВНИИ охраны природы. Стала прекрасным орнитологом. Много ездила в экспедиции, особенно на Енисей. Сейчас живет в Кливленде (США).

Лена Голубева после окончания географического факультета МГУ, где и работает сейчас, защитила кандидатскую и докторскую диссертации, издала несколько монографий. Крупный специалист в области диагностики состояния экосистем, заместитель заведующего кафедрой, ведет активную преподавательскую работу. Много ездит в экспедиции.

Таня Варлыгина после биологического факультета распределилась в Ботанический сад МГУ, где и работает сейчас. Класный геоботаник и флорист, прекрасный специалист по охране редких видов, один из авторов Красной книги Москвы и Подмосквья.

Сам я кончил кафедру геоботаники биологического факультета МГУ. В течение 33 лет работаю в Институте географии РАН. Из них 15 последних лет – заведующим лабораторией биогеографии. Стал специалистом в области биогеографии, экологии и охраны живой природы. Написал 8 книг и много-много статей. Все годы – в экспедициях (как начал в кружке, так и не останавливался). Профессор географии. Преподаю. Воспитал около 20 кандидатов наук.

Аркадий Тишков (2005)

Написал далеко не обо всех, кто прошел «крещение» кружком МОИП в начале 1960-х гг., но, надеюсь, что это сделают другие. В год 50-летия хочется сказать спасибо кружку при МОИП и его бессменному руководителю Анне Петровне Разореновой – святому человеку, отдававшему себя без остатка детям. Помню, когда Анна Петровна уже болела и стараниями Коли Формозова было организовано у нее дежурство, сели мы, МОИПовцы, писать ходатайство о присвоении ей звания «Заслуженный учитель РСФСР» и задумались, какие слова подобрать, чтобы дяди и тети там, «наверху», поняли, каким человеком и педагогом была наша Анна Петровна! И, честно скажу, таких нужных пафосных слов мы найти не могли. «Массового товара» – по сотне выпускников в год – она не производила. Нобелевских лауреатов или победителей первенства мира не подготовила (правда, кандидатов и докторов наук было все же предостаточно). Какого-то нового педагогического приема – типа «крысолова с дудочкой» – не создала. Наоборот, была временами ворчлива и внешне мало походила на харизматического педагога. Но вот почти три сотни людей, которым к началу XXI века уже от 35 до 60, обязаны ей своей судьбой, помнят и по-доброму говорят о ней, называют дочерей Анями.

Непонятно, время ли было тогда другое, люди ли были другими, но юбилеи биологических кружков Москвы проходят у нас с грустинкой: важнейший школьный предмет «биология» не в почете у нынешних бюрократов от образования, а настоящих кружков юных натуралистов очень мало.

* Биологический факультет, включавший отделения ботаники, зоологии и почвенно-географическое, был создан в 1930 г. на базе физико-математического факультета МГУ.